

ИСТОРИЧЕСКИЕ *Сенсации*

БГА БЫТИ ѿ БГАГѠ ПИСАНІА НАДЧНХОМЕА, НЖЕ НЗБРАНН
ВЛАДИМИР ЕГОРОВ, КО БПСАЕМЫ НПОЦАРТ

КАГАНЫ РОДА РУССКОГО

ИЛИ

ПОДЛИННАЯ ИСТОРИЯ КИЕВСКИХ КНЯЗЕЙ

Испытася чистое слово, БГОЛЮБВАГѠ, Н БЛГОЩЕДРОТНАА

Исторические сенсации

Владимир Егоров

**Каганы рода русского,
или Подлинная история
киевских князей**

«Алисторус»

2012

Егоров В. Б.

Каганы рода русского, или Подлинная история киевских князей /
В. Б. Егоров — «Алисторус», 2012 — (Исторические сенсации)

Эта книга — о всеобъемлющей фальсификации русской истории, о веками копившихся стыдливых умолчаниях, жульнических передергиваниях и бессовестной лжи нашей так называемой Первоначальной летописи — Повести временных лет. В течении веков официальные историки занимались восхвалением правящих династий, церкви, партии и почти никого из них не интересовала подлинная история Отечества, история, которую уже практически невозможно узнать во всей ее полноте. Но те осколки истины, которые еще сохранились, позволили автору этой книги реконструировать историческую действительность первых веков существования Киевской Руси и ее вождей — князей и полководцев, каганов рода русского.

© Егоров В. Б., 2012

© Алисторус, 2012

Содержание

От автора	5
О «слухах» и «сплетнях»	6
Ветряные мельницы антинорманизма	11
Гарды Восточного пути	15
Рюриковичи мы?	19
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Владимир Егоров

Каганы рода русского, или

Подлинная история киевских князей

*О кнезех русских старобытных
Нестор монах не добре сведет бе.*

В. Татищев

От автора

Эта книга – о нашей древней истории. В советское время в школе нас учили, что историю творит народ, и старательно вбивали в наши головы тезис о малозначимости отдельных личностей в истории. Включая всяких там императоров и полководцев. Этот тезис можно было наглядно проиллюстрировать на примере собственных руководителей страны, действительно малозначимых личностей вроде Л. Брежнева или К. Черненко. Почему-то не иллюстрировали. В то же время на уроках истории в других странах говорили как раз о великих полководцах и правителях империй, деяния которых изменяли современный им мир, может быть не всегда в лучшую сторону, но те изменения так или иначе отразились на мире сегодняшнем и поэтому стали предметом изучения в школе вместе с их инициаторами. В этом есть резон: наш мир был бы иным, если бы в нем не было Александра Македонского, Наполеона Бонапарта или Джорджа Вашингтона.

Эта книга – о верховных правителях начальной Руси, императорах и полководцах. Не будь их, мы бы жили в какой-то другой стране. Их обделила вниманием марксистско-ленинская историческая наука, отдавшая творение истории на откуп народным массам. Но тех же правителей начальной и древней Руси дореволюционная историография, начиная с самых первых наших летописей, неоправданно и чрезмерно превознесла и приукрасила, поскольку свой народ ни в грош не ставила, а главное, была озабочена не столько исторической правдой, сколько возвеличиванием правивших династий, с первых князей Киевской Руси до последних императоров России, и прославлением Русской православной церкви.

Наконец, это книга – о неправде, о вольной и невольной, но всеобъемлющей фальсификации начал русской истории, о веками копившихся стыдливых умолчаниях, жульнических переделываниях и бессовестной лжи нашей так называемой Первоначальной летописи. Конечно, лучше было бы написать книгу об исторической правде древней Руси. Хотелось бы, ох, как хотелось бы, чтобы такая книга была написана! К сожалению, ждать этого не приходится. Той правды никто не знает и, скорее всего, уже никогда не узнает. Однако все равно это не повод выдавать сказки, мифы и откровенное вранье за историческую действительность. Мы привыкли гордиться нашим прошлым, нашей славной историей. В целом по праву. Но пристало ли гордиться чем-то выдуманным, тем более выдуманным нами же сами?!

Сказки – вещь замечательная. Их можно рассказывать и пересказывать. Их нужно читать, особенно вслух – маленьким детям. Но детям постарше на школьных уроках истории все-таки следует не рассказывать сказки, а преподавать предмет – настоящую отечественную историю, временами воистину великую и героическую, каковой у нас и впрямь предостаточно, а временами, увы, и куда как неприглядную, раз уж такой она была на самом деле.

Ибо, как назидали древние мудрецы, **правда – превыше всего.**

О «слухах» и «сплетнях»

*Слова я слушаю твои,
но ничего они не значат.*

*«Ты говоришь мне о любви»,
слова Л. Дербенева, И. Шаферана.
Песня из к/ф «Три дня в Москве»*

Практически все, что написано в учебниках истории о начальном периоде древней Руси и что мы, соответственно, изучали как нашу историю, перекочевало в них из «Повести временных лет» (далее в тексте используется общепринятая аббревиатура ПВЛ), которая почему-то считается летописью. Во всех энциклопедиях, включая самую актуальную и демократичную – Википедию, – ПВЛ представлена как «наиболее ранний из дошедших до нас древнерусских летописных сводов начала XII века». Часто ПВЛ даже называют Первоначальной летописью. Словно никого не смущает слово «повесть» в ее заглавии. Между тем, в русском языке времени написания ПВЛ уже существовало слово «летопись» как калька с греческого *хронограф*, но тем не менее ее авторы называли свое произведение повестью, прямо указывая на его беллетристический характер.

В те времена, когда писалась ПВЛ, Русь еще не знала литературных жанров романа и тем более фантастики, и все, имевшее к ним отношение, именовалось повестями, так как само слово «повесть» тогда означало «предание», «слухи» и даже «сплетни». Тем не менее, отечественная историография намертво закрепила за ПВЛ, то есть преданиями, слухами и сплетнями, статус летописи, в котором та уже пребывает почти тысячу лет, давным-давно заматерев и покрывшись благородной академической патиной. Дифирамбы и панегирики ПВЛ пели и маститые историки, и не менее маститые филологи: российский историк С. Соловьев называл ПВЛ «образцом всероссийского летописания», а академик Д. Лихачев почитал ее «великим наследием». Так что претензии не к авторам ПВЛ, а к российским первоисторикам, которые для своего удобства молчаливо постановили считать ПВЛ летописью. Ведь если бы не это «постановление», они попросту остались бы без работы. Никакими иными источниками информации о возникновении и становлении древней Руси они не пользовались. Не по лени, а из-за отсутствия таковых.

ПВЛ везло. Проходили века, но ее статуса летописи не поколебали ни явные нестыковки в собственной хронологии, ни очевидные расхождения с «зарубежными» источниками, ни противоречия объективным данным археологии, ни откровенная фантастика, которую стыдливо опускали и умалчивали даже сами канонизировавшие ее первоисторики. Этот статус за ПВЛ сохраняется до сих пор, хотя порой создается впечатление, что абсолютное большинство причастных к истории наших современников относятся к ней, мягко говоря, с недоверием. Но в силу инерции традиций и корпоративного единства интересов историки так и не отважились прямо сказать, что королева у нас голая. Лишь самые смелые из них на неприличный вид сей высокопоставленной особы позволяли себе намекать, порой даже весьма выразительно, как, например, это сделал еще в позапрошлом веке историк Д. Щеглов: «Наша летопись или, точнее, наша сага о начале Русского государства, внесенная в последующую летопись, знает то, чего не было, и не знает того, что было».

Только в начале XXI столетия нашелся смелый и принципиальный ученый, причем не историк, а археолог А. Никитин¹, который рискнул от намеков перейти к серьезной научной критике, а правильное было бы сказать дезавуированию ПВЛ². То, что за это давно назревшее дело взялся именно археолог, в какой-то мере естественно, ведь именно археология всегда наносила самые болезненные удары по «саге о начале Русского государства». К сожалению, это же обстоятельство уменьшило эффект начинания, поскольку отечественные историки привыкли обращать внимание на археологию и археологов только тогда, когда те подтверждали их концепции и теории. То же самое можно сказать о плодах усилий специалистов в смежных областях, таких, например, как исследователь былин С. Горюнков³, а тем более отдельных и еще далее отстоящих от мейнстрима официальной отечественной исторической науки дилетантов. Но в последнее время вопрос о достоверности кодифицированной в наших учебниках истории древней Руси в довольно резкой форме поднимают даже ученые, имеющие непосредственное отношение к исторической науке вроде А. Королева⁴, С. Цветкова⁵ и А. Бычкова⁶. Но все же «воз и ныне там», всех этих усилий явно недостаточно, чтобы сдвинуть с места глыбу нашей официальной истории, намертво приклепанную к фундаменту ПВЛ.

Все это тем более печально, что всякий здравомыслящий человек не может не понимать: истинная польза для отечественной истории заключается не в стыдливо молчаливом шествии в свите голой королевы, а в признании, и как можно скорее, очевидного факта, что ПВЛ ни в коей мере не летопись, а именно **повесть**, то есть **беллетристика**. Увы, историки – реальные земные люди, и они не всегда руководствуются соображениями пользы для отечественной истории.

ПВЛ и русская литература в целом рождались практически одновременно. В XI – XII веках на Руси не было ни опыта, ни традиций создания художественных произведений, в том числе произведений с исторической тематикой, поэтому создатели ПВЛ при ее написании воспользовались в качестве образцов имеющимися в их распоряжении переводами на древнецерковнославянский язык нескольких византийских хроник, вследствие чего ПВЛ внешне приобрела вид летописи. Увы, лишь внешне. По сути же, в ней прослеживаются свойственные беллетристике приемы искусственного выстраивания сюжета. Например, А. Никитин отметил в ПВЛ такой характерный для художественной литературы прием, как «плетение сюжетов», который он присвоил некому ее гипотетическому автору начала XII века, названному самим Никитиным «краеведом-киевлянином» и в конечном счете отождествленному им с Нестором-«летописцем».

Появление из-под пера Нестора ПВЛ такой, какая она есть, неудивительно. Ведь он в первую очередь известен как агиограф, автор нескольких житий, которые, пользуясь терминологией того же Никитина, по своему жанру «принадлежат скорее литературе, чем истории». Нестор был безусловно талантливым и весьма продуктивным для своего времени писателем-агиографом. Но, на самом деле, никаким не «летописцем».

Будучи агиографом, при написании ПВЛ Нестор вольно или невольно, но очень широко использовал отработанные им приемы и методы создания житий, а именно отмеченное Никитиным «плетение сюжетов» с вплетением в них необходимых для данного жанра «фактов». В случае житий такими «фактами» обязаны были быть и потому обязательно таковыми становились эпизоды биографии канонизируемого святого, подтверждающие право на канонизацию,

¹ А. Никитин. Основания русской истории. «Повесть временных лет» как исторический источник. М., 2001.

² Более подробно о дезавуировании Никитиным «основания русской истории» сказано в приложении «Как возникла начальная русь?»

³ С. Горюнков. Незнакомая древняя Русь. СПб., 2010.

⁴ А. Королев. Загадки первых русских князей. М., 2002.

⁵ С. Цветков. Русская земля между язычеством и христианством. От князя Игоря до сына его Святослава. М., 2012.

⁶ А. Бычков. Киевская Русь. Страна, которой не было? М., 2005.

в частности мученичество за веру и сотворенные им чудеса, прижизненные или посмертные. Ни в коей мере не имею в виду вторгаться в сферу компетенции церкви, оспаривать правомочность канонизации святых или подвергать сомнению реальность сотворенных теми прижизненно и посмертно чудес. Но даже если кандидат в святые на самом деле принял муки за веру и совершил некие чудеса, его агиограф просто не мог иметь об этом достоверной информации.

Жития писались, как правило, спустя годы и десятилетия после смерти канонизируемых, не оставивших после себя ни мемуаров, ни дневников, не говоря уже о фотографиях и видеофильмах. Нестор и другие агиографы в своих трудах опирались на некую устную традицию и слухи, на основе которых им надо было выстроить стройный и соответствующий житийному канону биографический сюжет с вплетением в него неких обязательных по жанру чудес. Опять же, не посягая на компетенцию церкви и не оспаривая правомочность актов канонизации, все же нельзя не понимать, что в реальных условиях средневековья агиографы не могли знать и не знали истинной биографии героев их житий, не могли видеть и не видели сотворенных ими чудес. Тем не менее, следуя канону, они были обязаны писать «по правилам», вынужденно пользуясь устной традицией, слухами и сплетнями, а порой и откровенно выдумывая необходимые «факты». Возможно, моральным оправданием им служила уверенность, что если не именно эти, то другие связанные с канонизируемым чудеса действительно имели место.

Так писали все агиографы, так писал свои жития Нестор. Не умея по-другому, да и не видя в этом нужды, **точно так же он написал ПВЛ**. Как привык, как набил руку. Но если в случае агиографии еще можно говорить об оправдании средств целью, о направляющем руку агиографа Провидении, о Прозрении и Откровении, то к ПВЛ эти оговорки неприменимы. То есть в ПВЛ как произведении сугубо светском, неважно летописи или повести, слухи – это слухи, сплетни – это сплетни, а выдумки – это выдумки. Причем, еще раз хочу это подчеркнуть, сам Нестор нас не обманывал. Написав, как умел, художественное произведение, он и назвал его соответственно **повестью. Не летописью!**

Почему же ПВЛ превратилась в летопись? Вероятно вследствие недоразумения. Через несколько лет после появления ПВЛ Нестора игумен Выдубицкого монастыря Сильвестр действительно написал летопись, по-честному назвал ее «летописцем», но, компилируя различные источники, неосторожно включил в свой большой труд ПВЛ в качестве некоего подходящего, как ему показалось, зачина к истории Киевской Руси, вроде бы дающего обзор мировой истории «от Рождества Христова». Но в соответствии с понятиями и нормами своего времени он никак не выделил написанное Нестором, и этот шаг возымел несколько совершенно не предвиденных Сильвестром последствий. Во-первых, оказавшаяся в начале летописи Сильвестра ПВЛ начиналась словами «Вот повесть временных лет...», и первоисторики, не разобравшись, отнесли эти слова Нестора ко всему труду Сильвестра, вследствие чего «Повестью» стали называть не только скромную собственно Несторову ПВЛ, но и всю объемистую сильвестрову летопись. Во-вторых, Нестор не забывал упомянуть самого себя в качестве автора своих произведений, сохранилось его имя и в экземпляре ПВЛ, который Сильвестр неосторожно поместил в начале своей летописи, и историки именно Нестора посчитали автором всего сводного труда. Наконец, в-третьих и главных, ПВЛ Нестора **не была летописью и не претендовала быть таковой**, но труд Сильвестра был настоящей летописью; ПВЛ же, оказавшись зачином этого труда, не только передала ему свое название, но и сама ненароком приобрела статус летописи, в коем «незаконно» пребывает по сию пору.

Таким образом, собственно ПВЛ – это только самое-самое начало летописных сводов, чуждое летописанию по стилю и содержанию, изначально не соотношенное с реальными событиями и, соответственно, не имевшее никаких датировок (а точнее, даже не имевшая иметь их в виду). Настоящая летопись, то есть труд Сильвестра, основанная не на слухах и мифах, а на письменных документах и худо-бедно отражающая действительные факты истории Киевской Руси с хронологической привязкой, начинается только с появления на Руси широко доступ-

ной письменности, формально со времени крещения Руси, а по существу только с правления Ярослава Мудрого. А это значит, что и **реальная летописная история древней, а точнее Киевской, Руси начинается только** со времени Ярослава, то есть **с XI века**.

Несмотря на то, что автором ПВЛ был, судя по всему, один из лучших писателей Руси того времени, современного массового читателя трудно заставить прочесть написанную им почти тысячу лет назад беллетристику, она ему непонятна и неинтересна. Поэтому он знаком с ПВЛ только в изложении профессиональных историков, даже не подозревая, что это именно изложение, причем авторизированное. Отчасти фильтруя очевидно далекие от реальности фантазии сочинителей ПВЛ, отчасти пытаясь сделать ее текст более доходчивым, отчасти развертывая свою оригинальную историческую перспективу, они брали из ПВЛ в свои труды только то, что им самим было понятно и близко, что не противоречило их собственному видению истории, и излагали взятое так, чтобы изложение удачно встраивалось в их собственные исторические концепции.

Авторитет классиков и инерция их исторических построений оказались настолько велики, что до сих пор побеждают в столкновениях даже с самыми, казалось бы, сокрушительными объективными опровержениями, которые время от времени дает нам археология. Очень показательный и важный для нас пример: во всех учебниках истории и энциклопедиях до сих пор фигурирует взятая из ПВЛ дата «призвания Рюрика» в Новгород Великий – 862 год, хотя многолетние широкомасштабные археологические исследования Новгорода на Волхове не выявили в нем культурных слоев ранее конца первой половины X века. **То есть Новгород возник почти веком позже призвания в него Рюрика!**

Очевидное достоинство археологии в том, что она сама по себе объективна. К сожалению, как показала практика, далеко не всегда объективны археологи. Советская археология могла и замалчивать неудобные для советской исторической науки находки, как десятилетиями было с артефактами скандинавского происхождения на европейской части СССР, и даже откровенно фальсифицировать их в угоду «марксистско-ленинским научным» концепциям академических авторитетов и амбициям партийных и советских функционеров. Яркий и тоже весьма важный для нас пример такой фальсификации, касающийся на сей раз не Новгорода, а Киева, преподнесли в свое время академик Б. Рыбаков и первый секретарь ЦК компартии Украины В. Щербицкий.

Все началось с очередного увлечения Рыбакова неким гипотетическим большим «Полянским союзом племен» начала VI века в среднем течении Днепра во главе с «князем Кием». Разумеется, это увлечение предполагало Киев «племенным центром» этого союза и крупным городом того времени. Советская археология, как ей и было положено, немедленно откликнулась на идею академика о «Полянском союзе», и в Киеве послушно обнаружили якобы относящиеся к началу VI века языческое капище и чуть ли не дворец самого Кия. За идею Рыбакова ухватился Щербицкий и по-марксистски творчески развил ее в политическом плане масштабным государственным проектом «1500-летия Киева». Правда, чтобы проект не откладывался на следующий век, а осуществился прижизненно, во время правления Щербицкого, Киев следовало удревнить еще примерно на полвека. Оказалось, это не проблема. Найденные археологами древности мгновенно состарились и стали датироваться V веком. Правда, новые датировки поставили в несколько двусмысленное положение Б. Рыбакова, но вопрос как-то потихоньку замялся.

И все бы ничего, кабы не небольшая загвоздка – оценки археологических находок в киевской земле независимыми зарубежными археологами не только не подтверждали постулаты отечественной археологии, предназначенные служить фундаментом исторических построений Рыбакова и широкомасштабных политических проектов Щербицкого, но шокирующе их дезавуировали. По консолидированному мнению ряда уважаемых археологов Западной Европы история Киева как города началась только с конца IX века, а крупным городским центром Киев

стал не ранее середины X века⁷, кстати сказать, практически одновременно с возникновением Новгорода Великого, а до уровня средневекового города столичного масштаба дорос в самом его конце с появлением так называемого «города Владимира»⁸.

Действительно, есть археологический факт, объективная данность: до «города Владимира» на территории Киева не было ни «города Святослава», ни «города Ольги», ни «города Игоря», ни «города Олега», ни тем более «города Аскольда и Дира», не говоря уже о «городе Кия». Да что там говорить о «городах», если в слоях древнее X века в киевской земле вообще не найдено останков ни одного значимого здания или сооружения, которое могло бы быть жилищем не то что князя, а хотя бы среднего боярина. Это чрезвычайно важно, и давайте повторим еще раз: **археологически до конца IX века никакого города Киева не было, а до середины X века Киев не был столицей** чего бы то ни было, в частности, разумеется, Киевской Руси. **Говорить о Киеве как столице и, соответственно, о Киевской Руси как государстве можно только с конца, в лучшем случае, с середины X века**, то есть с княжения Ольги по датировкам ПВЛ.

Здесь во избежание недоразумений необходимо сделать оговорку. В отличие от Новгорода, возникшего в середине X века в прямом смысле на пустом месте, поселения на территории современного Киева существовали издревле. Именно поселения, которые то появлялись, то исчезали. Где-то в конце VI века на Старокиевской горе даже возникла небольшая крепостца, просуществовавшая примерно до VIII века. До начала IX века существовали отдельные небольшие сельские поселения на Замковой горе, но потом почему-то все обитатели их покинули. На территории нынешнего мегаполиса Киева археологами найдены десятки поселений разных эпох, но о городе Киеве как столице одноименной древней Руси можно говорить только с середины, а еще вероятнее только со второй половины X века. Судя по археологическим данным, в первой половине X века Киев походил, подобно другим городам Хазарии, например Итилю или Булгару, скорее на восточный базар, раскинувшийся вокруг гавани в устье Почайны. Лишь при Владимире, взобравшись на Старокиевскую гору и обзаведясь фортификационными сооружениями, он превратился в нечто, что мы сегодня называем средневековым городом.

Но если это так, если до Владимира, в крайнем случае до Ольги, Киева как столичного города, как «матери градам русским» не было, то, никуда от этого не деться, не было в природе ни Киевской Руси IX века, ни «киевских князей»: Кия с братьями, Аскольда с Диром и Вещего Олега с Игорем. Не абсурд ли это? Нет, не абсурд, а лишь серьезный, очень серьезный предмет для размышлений.

---

⁷ Подробнее об этом в приложении «Когда возникла Киевская Русь?».

⁸ Арабы, в частности Ибн Фадлан, еще не знали о Киеве в конце первой четверти X века. А если верить Т. Джаксон (Т. Джаксон. *Austr í Gördum*. Древнерусские топонимы в древнескандинавских источниках. М., 2001), то: «Киева нет в рунических надписях X – XI вв., нет его в скальдических стихах IX – XII вв., нет и в королевских сагах...». То есть скандинавы знать не знают ни о каком Киеве вплоть до XII века!

Ветряные мельницы антинорманизма

*Другой – Фарлаф, крикун надменный,
в пирах никем не побежденный,
но воин скромный средь мечей...*

А. Пушкин. «Руслан и Людмила»

Наступившее после многовековых баталий шаткое перемирие на норманистско-антинорманистском фронте время от времени нарушается уже не боями, а так, потасовками местного значения. Казалось бы, норманизм давно уже дезавуировал свой наиболее одиозный, хотя и прямо основывавшийся на тексте ПВЛ, тезис о неспособности восточных славян создать свое собственное государство, вследствие чего погрязшие в смутах и разборках аборигены якобы вынуждены были призвать заморских варягов, читай скандинавов, чтобы те наконец-то навели у них в доме порядок. Казалось бы, со всей очевидностью показано и общепризнано, что в самой Скандинавии времен «призвания», то есть в середине IX века, еще не было создано никаких государств и варяги – находники, по выражению ПВЛ, на Русь – имели опыта и примеров государственного строительства ничуть не больше, если не меньше, чем восточное славянство, географически и исторически примыкавшее к периферии романского и византийского миров. Но антинорманистам всех мастей этого мало. Ни под каким соусом, ни в каком виде не хотят они признать скандинавов во главе государства, пусть даже созданного до их появления самими славянами и на сугубо славянской почве.

Неприятие скандинавов, и германцев вообще, доходит до паранойи. Почему-то в среднероссийском антинорманистском параноидальном сознании летописный Рюрик никак, ни за что не может быть датчанином Ререком, а вот каким-нибудь выходцем из прибалтийских славян Ререгом – это пожалуйста. Почему? Чем датчане хуже поляков? Лицом не вышли? Живут хуже? Имеют на нас зуб? Нет, нормальному человеку этого не понять. А параноику-антинорманисту бесполезно пытаться втолковать, что датчане – народ, по крайней мере, не менее цивилизованный, чем поляки, что предки датчан, в отличие от потомков поморских славян, никогда не захватывали Москву и не сажали в ней своих царей-марионеток, не заливали кровью Россию до берегов Волги и не мучили в российских дебрях героев-сусаниных.

Как всегда, в рассуждениях и спорах о том, чем один народ лучше или хуже другого, результат оказывается одним и тем же: всплывает неклинический диагноз вышеозначенной паранойи – обыкновенный шовинизм. Именно в силу этого диагноза норманистско-антинорманистское противостояние давно зашло в безнадежный тупик. Заклиненные в германофобии и шовинизме антинорманисты просто не хотят, не способны слушать и понимать разумные доводы и аргументы. А эти аргументы для всех здравомыслящих людей с нормальным общечеловеческим воспитанием звучат более чем весомо и не оставляют сомнения, что в течение некоторого времени выходцы из Скандинавии стояли во главе государства, которое мы ассоциируем с древней Русью. Аргументы давно и хорошо известны, я их просто вкратце напому.

Первый аргумент – Вергинские анналы. Согласно им прибывшие в 839 году ко двору Людовика Благочестивого через Константинополь послы «кагана народа Рос» были признаны там скандинавами (свеями). Пытаясь как-то дезавуировать этот факт, антинорманисты не придумали лучшего объяснения, чем такое: дескать, правитель Руси, конечно же чистокровный славянин, послал в Константинополь служивших ему варягов, например, потому что те лучше знали дорогу, знаменитый путь «из варяг в греки». Можно встретить в качестве иллюстративного примера даже ссылку на немца Нессельроде во главе министерства иностранных дел Рос-

сии. Однако ссылка неуместна. Да, немец или швед мог стать в России министром иностранных дел, особенно при императоре Павле I, который, между прочим, сам был на три четверти немцем, и его преемниках. Стопроцентной немкой могла быть (и была ведь, была!) сама российская императрица. Но чтобы целиком все министерство иностранных дел или все поголовно русское посольство состояло из немцев или шведов? Это уж увольте. Даже при Екатерине II и Павле I такого не было и быть не могло.

Гипотетический славянский правитель некой Руси начала второй трети IX века мог включить в свое отправляемое в Константинополь посольство варягов в качестве проводников, если они лучше знали дорогу, или толмачей, если они лучше понимали греческий язык (хотя и с чего бы?!), но в любом случае служилые скандинавы, играя в посольстве сугубо вспомогательные роли, не определяли бы его этническое лицо. Не только самое естественное, но и единственно возможное объяснение того, что посольство кагана Руси состояло из скандинавов-свеев, заключается в том, что сам каган и его окружение, из которого он наверняка назначал послов, то есть **вся русь того времени была скандинавской**.

Второй аргумент – имена послов Вещего Олега, отряженных им в Константинополь для подписания мирного договора с греками, зафиксированные не где-нибудь, а прямо в ПВЛ. Вот они: Карл, Фарлоф, Вельмуд, Рулав, Стемид. Там же можно найти еще один список имен уполномоченных представителей руси, подписавших такой договор от «рода русского»: Карл, Ингельд, Фарлаф, Вельмуд, Рулав, Гуды, Руалд, Карн, Фрелав, Руар, Актеву Труан, Стемид. Написание имен послов, которые сами по себе имеют колоссальную важность и которыми нам еще предстоит заняться вплотную, несколько разнится в разных списках ПВЛ, что, конечно, расширяет возможности трактовок и этимологизаций. Но, что характерно, ни в одном из вариантов этих имен нет и намека на что-то славянское, а абсолютное большинство их явно германского происхождения, причем некоторые имена – Ингельд, Фарлаф⁹, Вельмуд, Рулав, Руалд, Фрелав – конкретно скандинавские. Трудно отделаться от мысли, что мы имеем дело с прямыми потомками послов русского кагана из Вертинских анналов. Единственное, на что могут рассчитывать здесь антинорманисты, это имеющееся обоснованное подозрение в подложном характере договора 907 года, с которым ПВЛ связала имена послов в Константинополь. Сомнение в его аутентичности высказывал еще первый исследователь ПВЛ А. Шахматов, работы которого стали классикой анализа русских летописей. Однако никто не подвергал сомнению договор 911 года, включенный в статью 912 года ПВЛ и содержащий в своей преамбуле приведенный выше расширенный список уполномоченных подписантов договора. Наконец, есть еще аналогичный договор Игоря, тоже донесенный до нас ПВЛ в статье 945 года. В нем, правда, появляется пара имен, выглядящих похожими на славянские, но по-прежнему абсолютное их большинство имеет очевидно германское происхождение.

Аргумент третий – русские названия днепровских порогов у Константина Багрянородного в его трактате «Об управлении империей». Этимология приведенных им русских названий явно древнескандинавская. Антинорманисты предпочитают обходить эти трудно-преодолимые для плавсредств, но еще более для самих антинорманистов пороги молчанием, а вынужденно упоминая, демонстративно заключают слово «русские» в кавычки. Но эти кавычки – не более чем хорошая мина при плохой игре. Константин называл пороги по-русски без всяких кавычек и тут же давал их параллельные названия по-славянски, которые действительно этимологизируются из старославянского. То есть у Багрянородного **русский язык прямо противопоставлен славянскому**, и этот его **русский язык – язык древнескандинавский** в современной терминологии.

⁹ Посол «рода русского» Фарлаф, перекочевав из ПВЛ в поэму Пушкина «Руслан и Людмила», превратился в пьяницу и спесивого хвастуна без роду-племени. Но на персонаже одноименной оперы М. Глинки уже сказываются труды норманистов: там Фарлаф – **варяжский** витязь, хотя по-прежнему персонаж выражено отрицательный.

Понимая значение и неубиенность этого свидетельства, известный антинорманист, украинский историк и археолог М. Брайчевский, сделал отчаянную попытку этимологизировать названия днепровских порогов у Багрянородного из неких мифических «иранских языков». Увы, его дилетантские потуги у лингвистов вряд ли вызовут что-либо кроме грустной улыбки¹⁰. Если же говорить серьезно, то, глядя правде в глаза, невозможно не признать, что в конце первой половины X века, то есть век с лишним спустя после появления при дворе Людовика Благочестивого послов русского кагана, их потомки все еще говорили на древнескандинавском языке. Заметим кстати, что именно древнескандинавском. Во всей Скандинавии IX века в ходу был единый язык, хотя вероятно уже распадавшийся на диалекты, из которых его преемники – шведский, норвежский, датский и исландский языки – оформились не ранее XII века.

Четвертым и безусловно решающим аргументом служат имена самих «великих князей» начальной Руси, известные нам не только из ПВЛ, но и из заслуживающих доверия документальных свидетельств соседей древней Руси. Аргумент настолько важен, что достоин отдельного рассмотрения, и к этим именам нам вновь и вновь придется возвращаться.

А пока сконцентрируемся на важнейшем для истории древней Руси факте: скандинавы в начале «эпохи викингов», то есть в VIII – IX веках, нигде, включая саму Скандинавию, не создали никаких государств из ничего. Что умели делать викинги и делали повсеместно, это «накладывали лапу» на все, что «плохо лежит», но лежит уже готовенькое, в частности на существовавшие, особенно небедные, но по каким-то причинам ослабленные государственные образования. Начиналось все тривиальным грабежом, а заканчивалось либо поспешным бегством, либо, если повезет, захватом командных высот. Именно так возникли «норманнские» государства в восточной Англии (Данелаг), западной Франции (Нормандия) и южной Италии (Сицилийское королевство). Поэтому можно смело предположить, что таким же образом возникло варяжское государство Русь. Чрезвычайно интересно провести параллель, впечатляющую и показательную, между захватом Нормандии викингами норманнами и будущей Руси варягами русью.

В конце IX века норманны Хрольва Пешехода правдами и неправдами получили контроль над полуостровом Бретань, а затем, в течение X века, и всей Нейстрией¹¹. Та, будучи в то время частью королевства Меровингов, и частью далеко не бедной, имела не только свою государственную территорию, но и собственную историю в прошлом независимого королевства. После подчинения норманнам Нейстрия очень быстро превратилась в Нормандию, а бывшие норманнские ярлы – в нормандских герцогов. Так уже существовавшее государство на бывшей кельтской, но романизированной территории поменяло название, приняв имя захвативших ее викингов. В этом переименованном государстве относительно малочисленная господствующая норманнская верхушка быстро потеряла родной древнескандинавский язык и перешла на местные романские наречия. Но бывшие конунги и ярлы, превратившись в герцогов и баронов, еще долго сохраняли древнегерманские имена – единственное, что отличало вознесшуюся на вершины власти пришлую элиту от задвинутой на задворки местной знати. Однако вследствие смены языка эти старые германские по происхождению имена стали произноситься на местный лад, свойственный старофранцузским диалектам Ойль: Вильхельмы превратились в Гиллемов (современное французское Гийом), Рикхарды – в Ришардов (современное французское Ришар), Хродберахты – в Родбертов (современное французское Робер), а Готфриды – в Жоффроев (современное французское Жоффруа)¹².

¹⁰ Более подробно об этом см. «Читая Константина Багрянородного». (В. Егоров. У истоков Руси: меж варягом и греком. М., 2010)

¹¹ По иронии судьбы Хрольв заключил договор с французским королем Карлом Простым в 911 году, одновременно с заключением договора руси с греками, приписанного в ПВЛ Вещему Олегу.

¹² В литературе предводителя норманнов Хрольв часто называют Ролло, что тоже есть офранцузненное уменьшительное от «Хрольва».

Почти то же самое мы видим на востоке. Почти – потому что, к сожалению, проводя параллель между процессами рождения государств в Нормандии и на Руси, мы вынуждены пропустить первый самый важный для антинорманистов, да и всех нас, этап, так как не имеем никаких данных о восточноевропейском государстве, которое прибрали к рукам варяги-русь. История Нейстрии и захват ее норманнами документированы местными анналами, благо, Франция Меровингов уже имела унаследованные от Римской империи давние традиции историографии и обширные штаты анналистов. А вот на востоке документировать аналогичное событие было некому. Поэтому относительно первого этапа приходится принять нечто нам не известное по аналогии, которая, к счастью, очень ярко прорисовывается на всех последующих этапах.

В рамках этой аналогии некое государство на бывшей готско-сарматской, но славянизированной к IX веку территории получила имя по захватившим ее скандинавам, которые, по свидетельству Вертинских анналов, были этническими свеями, но уже в то время назывались русью. Далее, как и в Нормандии, господствующая верхушка руси присвоила себе местные титулы, что подтверждается «каганом-рус» арабских авторов, он же «каган народа Рос» Вертинских анналов, и перешла на местные славянские наречия, все еще сохраняя древнегерманские имена, которые однако переименовались на местный восточнославянский лад. Так Хельги превратились в Эльгов / Ольгов¹³ (современное великорусское Олег), а Ингвары / Ингеры – в Ингорей (современное великорусское Игорь). Как видим, за исключением неизвестного нам первого этапа далее нормандский сценарий здесь повторяется один в один.

На мой взгляд, такое повторение, такая очевидная параллель, от которой антинорманисты отмахиваются, как черт от ладана, объективно как раз льет воду на мельницу антинорманизма, заставляя обоснованно предположить существование в IX веке на Русской равнине некоего государственного (предгосударственного) образования, привлечшего внимание находников-варягов. Эти варяги, прозванные русью, несомненно действовали на востоке точно так же, как и их соплеменники на западе: ничего не создавали, ничего не строили, только грабили, обирали, а при удобном случае захватывали и подчиняли. В конечном счете им удалось захватить где-то на территории будущей Руси и подчинить себе одно или даже несколько предгосударственных образований, которые скандинавская эпическая традиция называла Гардами.

---

¹³ Более подробно о механизме этого превращения в приложении «Как возникла начальная русь?».

Гарды Восточного пути

*Пусть не Париж, не Нью-Йорк
маленький мой городок.
Летом красив и зимой
Новгород – город мой!*

*«Мой Новгород»,
группа «Свои ребята»*

*Вечорів оксамити,
мов щастя прибій...
Як тебе не любити,
Киеве мій!*

«Мой Киев», слова Д. Луценко

В древнескандинавских сагах Древняя Русь называлась Аустрвег, то есть «Восточный путь» – скандинавский эквивалент пути «из варяг в греки» наших учебников истории, – или Гардарики, то есть «державой гард»¹⁴. В самых ранних сагах это государство звалось просто Гардар, то есть «гарды». Вопреки расхожему мнению **скандинавские «гарды» – это вовсе не города**. Городов, по крайней мере городов в нашем сегодняшнем понимании, во время становления Древней Руси в Скандинавии вообще не было, поэтому не было и такого понятия в древнескандинавском языке. Позже в связи с действительно возникшей необходимостью во всех скандинавских языках для средневекового города появилось совсем иное слово общегерманского происхождения *borg*.

Археолог Г. Лебедев, один из российских авторитетов в истории и археологии древней Скандинавии, проводил параллель между древнескандинавским *gard* и древнерусским термином «полюдь», имея в виду территориальную единицу, на которой кормится некий правитель – конунг в Скандинавии или князь на Руси, – и которую он соответственно берет под свою юридическую и военную опеку¹⁵. Судя по множественному числу «гарды», таких гард-полюдий на Восточном пути было несколько. По крайней мере, нам достоверно известно о двух из них: новгородском и киевском, маркированных в скандинавской эпической традиции явным формантом *-gardr*, – соответственно Хольмгард (*Holmgardr*) и Кянугард (*Kænugardr*) с вариантом Кенугард (*Kænugardr*).

В уже упоминавшемся выше опусе «Об у правлении империей» византийский император Константин Багрянородный употребляет непосредственно славянское слово «полюдь» (πολυδία) в связи с некой местностью, которую Константин называет то Киоавом, то Киовой, и в которой обитают кормящиеся этим полюдьем архонты Руси. Не исключено, что Константин также упоминает и новгородское полюдь, когда мимоходом замечает, что Святослав «сидел в *Немогарде*» (Νεμογαρδας). Здесь полезно еще раз подчеркнуть, что в конце первой половины X века, когда писал свой труд Константин, Новгорода Великого еще не было, да и Киев, судя по современным оценкам независимых археологов, еще не стал столичным городом.

---

¹⁴ Форманты *-вег* и *-рики* также видны в исходном названиях Норвегии *Nordveg* – «Северный путь» (в современном норвежском упростилось до *Norge*) и Швеции, в оригинале *Sverige* – «Свейская держава».

¹⁵ В современном шведском языке слово *gård* означает «ферма», то есть, по сути, то же самое: территорию со всеми обитателями, с которой кормится ее хозяин и которая находится под его опекой.

Так что речь у Багрянородного не может идти о городах Новгороде Великом и Киеве, а, следовательно, имеются в виду именно киевское и, возможно, новгородское полюдь. Кстати, Багрянородный называет административный центр киевского полюдя, в котором обитали архонты руси, но это вовсе не Киев, а некая крепость (καστρον), которую Константин называл Самватом (Σαμβατας).

Возможно, на Восточном пути существовали другие полюдя, например, смоленское (гнездовское) и полоцкое. Наверняка какое-то полюдь руси было на верхней Волге. Археологически оно оставило следы в Тимерева, Сарском городище и других местах нынешней Ярославской области. Надо полагать, тамошняя русь ходила на кораблях в Булгар и на Каспий. Скорее всего с купцами той руси встречался в 922 году в Булгаре Ибн Фадлан, который слухом не слыхивал ни о Киеве, ни о Днепре, но без тени сомнения помещал Русь на берегах Волги севернее Булгара.

Неизвестно, был ли у всех полюдий руси единый верховный правитель или полюдя существовали и управлялись независимо. Даже непонятно, был ли единый властитель в каждом полюдь. В частности, об архонтах киевского Константин Багрянородный говорил во множественном числе, но при этом он мог иметь в виду как множество одновременных соправителей, так и последовательно сменяющих друг друга владык. Ничего не проясняют упоминаемые во франкских документах «каган руси» и «норманнский каган», равно как и «каган-рус» у арабских географов. Обычно, очевидно по аналогии с тюркскими и хазарским каганатами, молчаливо предполагается, что титул кагана мог носить только один самый главный правитель, объединивший под своей властью все или большинство захваченных русью территориальных единиц, например, тех же полюдий, и принимать его только как качественно новый титул верховного владыки «Всея Руси». Но, как я уже однажды замечал по этому поводу¹⁶, на самом деле ничто не мешало назваться каганом и даже послать в Константинополь посольство из своих людей кому угодно, любому никому не известному правителю сугубо «местного значения». А какому-нибудь варяжскому ярлу по имени Хакан, чтобы послать хохмы ради посольство в Византийскую или Франкскую империи, даже не нужно было прикидываться каганом. Кстати сказать, ни византийцы, ни франки посольство «русского кагана» всерьез не восприняли.

Возвращаясь к двум достоверно нам известным полюдьям руси X века, киевскому и новгородскому, хотелось бы сделать попутное замечание о происхождении их названий. До сих пор нет общепринятой этимологии для скандинавских названий Хольмгарда и Кянугарда / Кенугарда. Для Хольмгарда наиболее популярны две этимологизации: из славянского «холм» и скандинавского holm – «остров». К сожалению, обе совершенно ни при чем в случае Новгорода Великого. Поэтому в качестве альтернативы предлагалось как-то пристроить понятие острова к предтече Новгорода Рюрикову городищу, хотя достоверно не известно, было ли Рюриково Городище островом, а если выражаться более точно, островком в «рюриковы времена». Кроме того, зарождение эпической скандинавской традиции об Аустервеге-Гардарике в основном относится к XI и даже скорее XII векам, когда под Хольмгардом мог пониматься только переживавший расцвет Новгород Великий, а не маленькое уже захиревшее к тому времени Рюриково городище. И уж совсем плохи дела с Кянугардом-Кенугардом. Единственное имеющееся на сегодня объяснение Кянугарда из «кияне», имея в виду жителей Киева, если в него вдуматься, парадоксально: получается, не киевляне получили свое прозвание потому, что жили в Киеве, а Киев получил свое название потому, что в нем жили киевляне! А вариант Кенугарда «кияне» и вовсе подвешивают в воздухе.

Но на самом деле, на мой взгляд, все рассмотренные и не рассмотренные здесь варианты этимологизации Хольмгарда и Кянугарда изначально бессмысленны, потому что исходят из принципиально неверной посылки. Если в соответствии с высказанным ранее постулатом

¹⁶ В. Егоров. Между варягами и греками. (Авторский сайт www.ipiran.ru/egorov).

названия с формантом «-гард» относятся не к городам, а к полюдьям, то и первые компоненты обоих названий следует соотносить не с городами, а с полюдьями как некими территориями и предгосударственными образованиями во главе с властителями-русью. Под этим углом зрения в качестве этимологических объяснений сразу отменяются и «холм», и «кияне». Объяснение через «остров» не исключается автоматически, особенно в контексте известного «острова русов» арабской традиции¹⁷, но мало-мальски разумного смысла оно все равно не приобретает. Зато этот смысл Кянугард и Хольмгард могут обрести, рассматриваемые как названия не столько городов, сколько полудий, то есть владений неких властителей руси, если допустить, что названия полудий отражали, например, титулы или родовые имена этих властителей.

Наиболее наглядное подтверждение такое допущение находит в Кянугарде, где перед формантом «-гард» достаточно отчетливо проглядывает «каган». И этому не приходится удивляться с учетом того, что какой-то правитель руси принял титул кагана еще в первой половине IX века, что следует из текста Бертинских анналов, а Киевщина (Киоав-Киова Багрянородного) была подвластна хазарскому каганату с начала восьмого примерно до середины десятого века с небольшим перерывом на время венгерско-хазарской размолвки. К сожалению, мы не знаем, как произносили титул своего верховного правителя живые хазары. Возможное произношение титула кагана в различных тюркских языках может включать варианты *ка'ан* и *кя'ан*, причем последний из них прямо соответствует форме Кянугард. Однако скандинавская традиция помимо формы Кянугард знала и альтернативную ей форму Кенугард. Судя по чувашскому языку – единственному живому близкому родственнику хазарского, – в котором «хан» – *хун*, хазары тоже могли произносить слово «каган» с лабиализацией гласного, нечто вроде «кю'ун», а такое произношение должно было породить у скандинавов скорее Кенугард, чем Кянугард.

Наконец, отдельный вопрос, не могло ли после принятия Хазарией иудаизма в качестве государственной религии повлиять на хазарское произношение титула кагана еврейское *ко'эн*. Конечно, хазарские каганы не были потомками библейского Аарона, что обязательно для истинных коэнов, – таковых в Хазарском каганате просто неоткуда было взять, но выполняемые каганами некоторые жреческие функции кое в чем перекликались с функциями коэнов. По крайней мере, спеллинг *Kœnugarđr* более всего отсылает именно к ним.

Как видим, вариантов много, они очень зыбки, и все же не кажется невозможным, что название Киева в вариантах Кянугард-Кенугард – это просто-напросто скандинавская передача «полюдья каганов».

Переходя к Хольмгарду, надо иметь в виду, что в самом древнескандинавском *Holmgard* произносилось как *Хольгард* (позднее *Хульгард*). Поскольку *holm* в значении «остров» толком пристроить к Новгороду Великому не удастся, возникает закономерный вопрос, не является ли *Holmgard* вторичным, скандинавским «письменным» осмыслением изначального устного *Holgard* с практически тем же самым произношением? А если это так, то не идет ли речь об Ольгарде, то есть... **полюдье ольгов**?! Здесь может иметься в виду конкретная личность – Вещий Олег, *Ольг* в древнерусском тексте ПВЛ, или, что представляется более вероятным, принятый у правителей начальной руси титул «ольг»¹⁸. То есть Ольгард – это «полюдье ольгов» – полная новгородская аналогия киевскому «полюдью каганов».

Параллель «Каган-гарды» с «Ольг-гардой» определяется основополагающей параллелью между «ольгами» и «каганами», параллелью настолько важной, что мы будем вынуждены к ней не раз возвращаться, сознательно ища и находя ей подтверждения. А разница в названиях между ними могла проистечь из-за того, что «Каган-гарда» территориально соседствовала с

¹⁷ В отношении «острова русов» скорее дело обстоит как раз наоборот. Этот «остров» – вероятная арабская калька с древнескандинавского «Хольмгард».

¹⁸ Развернутый разговор об этом титуле пойдет в приложении «Как возникла начальная русь?».

хазарским каганатом и, в более широком плане, тюркоязычным в то время Северным Причерноморьем, а «Ольг-гарда» – с германоязычным скандинавским миром.

Однако мы несколько забежали вперед. Поэтому притормозим и пока условно примем только что высказанную гипотезу, согласно которой мы получаем как минимум два предгосударственных образования – полюдья, – в которых до образования единого государства древней Руси, то есть до конца X века, а вполне вероятно, что и некоторое время после, заправляли каганы и ольги руси. Значит ли это, что варяги создали эти или другие аналогичные образования? Ни в коей мере. Создавать государства, государственные структуры викинги, в том числе и те, что назывались в ПВЛ варягами-русью, просто не умели. Не имели ни опыта, ни желания – были, что называется, не по тому делу. Все это они получали в готовом виде по праву сильного, а затем либо мгновенно теряли, либо, сохранив, быстро адаптировались, приспосабливались к местным условиям подобно норманнам Хрольва в Нормандии.

В описании Ибн Фадлана, сделанном по личным впечатлениям, в первой четверти X века русь по внешнему облику не имела ничего общего со скандинавами, а порядки при дворе их «царя», то есть соответственно нашей гипотезе кагана или ольга, вообще совершенно чужды скандинавским, но действительно типичны для двора кагана хазарского. У Ибн Фадлана русь носит римские короткие плащи, турецко-украинские шаровары, а ее правитель проводит время исключительно в попойках и увеселениях на огромном столе в окружении наложниц и личной охраны, в то время как все государственные дела и защиту отечества выполняют его приближенные заместители. Как тут не вспомнить нашего славного былинного Владимира Красно Солнышко с его бесконечными пирами и полной отстраненностью от государственных дел, прижившуюся около него и охранявшую его драгоценную персону, а заодно всю Русскую землю, когорту богатырей и, наконец, отчеканенные в XI веке в Киеве монеты с легендой «Владимир на столе», как будто для иллюстрации описания Ибн Фадлана?!

Недаром в последнее время все больше историков готовы признавать, естественно, с оговорками на особенности жанра, скандинавские саги и русские былины историческими в основе своей источниками, в ряде случаев даже более правдивыми, чем «летописи» наподобие ПВЛ. И это не удивительно, ибо народные сказители – не придворные «летописцы» киевских князей и не агиографы. В отличие от сочинителей ПВЛ им не нужно было, угождая сильным мира сего, придумывать «факты» и перевирать традицию, в основе которой, как правило, лежали действительные события. Проблема лишь в том, чтобы суметь извлечь из былин их реальную основу, переданную в традиционных фольклорных формах и «зашумленную» многовековой устной передачей.

Рюриковичи мы?

*Мерз я где-то, плыл за моря.
Знаю – это было не зря.
Все что было, было не зря,
Не напрасно было!*

*«Разговор со счастьем»,
слова Л. Дербенева.
Песня из к/ф «Иван Васильевич меняет профессию»*

В кинофильме Л. Гайдая «Иван Васильевич меняет профессию» есть примечательный эпизод. Составляющий протокол участковый милиционер задает рутинный вопрос об имени и фамилии Ивану Грозному, волею авторов фильма оказавшемуся в нашем времени. Царь поначалу озадаченно чешет затылок, но затем, гордо вскинув бороденку, объявляет как само собой разумеющееся: «Рюриковичи мы!». Тысячу с лишним лет не подлежало сомнению, что первая династия русских владык вела свою родословную от Рюрика. Кто же он такой, чем знаменит родоначальник династии, более семисот лет правившей древней Русью и Россией и о принадлежности к которой с гордостью заявляет в фильме один из последних ее представителей? Как ни парадоксально, сам по себе Рюрик совершенно не известен мировой истории, а его славные деяния не попали ни в одни анналы. Единственный источник, удостоверяющий существование Рюрика, – это ПВЛ. Увы, слишком ненадежное, как мы уже имели возможность убедиться, удостоверение личности¹⁹. Но даже ПВЛ, единственная якобы знающая Рюрика, не числит за ним никаких достойных упоминания свершений.

Говоря о Рюрике и его безвестности в мировой истории, нельзя обойти молчанием Ререка Ютландского, упорно впикиваемого в нашу историю в качестве летописного Рюрика Новгородского²⁰. Отождествление Рюрика и Ререка было поддержано таким столпом советской исторической науки, как академик Б. Рыбаков; в наше время эту идею несет на своем знамени российский археолог, бессменный руководитель Ладожской археологической экспедиции А. Кирпичников. Здесь, правда, надо сделать скидку на романтическую увлекаемость Рыбакова экстравагантными гипотезами в области древней отечественной истории и далекое не только от романтики, но и от истории, зато вполне практичное и понятное по финансовым соображениям настойчивое стремление Кирпичникова превратить раскапываемую и монополизированную им Старую Ладугу в «первую столицу Руси».

Впрочем, в самой академической среде противников отождествления Ререка и Рюрика не меньше, чем сторонников. Против признания ютландского ярла новгородским князем говорят и та чрезвычайная скудость сведений о Рюрике, что оставила нам ПВЛ, и его мифические братья Синеус и Трувор, означающие в переводе с древнескандинавского «его дом и верная дружина», и реальная хронология худо-бедно документированной европейскими хрониками жизни ютландского Ререка, деятельность которого в целом ограничивалась Данией и границами Франкской державы минимум до 873 года. Между тем, ПВЛ «призывает» Рюрика в Новгород гораздо раньше, в 862 году, где и оставляет княжить до самой смерти.

Но дело даже не в ПВЛ. Задолго и до 862, и до 873 годов, еще до того как Европа впервые могла услышать о Ререке Ютландском, в 838 году в Константинополь прибыли послы

---

¹⁹ Проблема ненадежности «свидетельств» ПВЛ была поднята мной еще в расследовании «Читая «Повесть временных лет»» (В. Егоров. У истоков Руси: меж варягом и греком. М., 2010).

²⁰ Более подробно о Рюрике и Ререке в приложении «Как возникла начальная русь?».

руси, которые годом позже оказались при дворе Людовика Благочестивого в Ингельгейме и «наследили» во франкских анналах. То есть вне сомнения какая-то русь, причем русь достаточно организованная, чтобы заслать посольство к византийскому и франкскому императорам, уже существовала и до появления на исторической сцене Ререка, и тем более до «призвания Рюрика», что окончательно превращает последнего в сугубо мифическую, никогда не существовавшую в природе, да и на самом деле никому не нужную личность.

Не вдаваясь глубоко в ученые споры, со своей стороны хотел бы обратить внимание на полную ментально поведенческую несовместимость исторического Ререка и летописного Рюрика. Ререк – истинный Скъольдунг, яркая неугомонная натура, борец и дерзатель, всю свою жизнь посвятивший завоеваниям и поискам лучшей доли под солнцем. Ему мало острова Вириггена, ему мало больших и богатых купеческих городов Дорестада и Утрехта, он всю жизнь добивался обладания всей Фризией и всей Данией. В трудные периоды после неудач Ререк, чтобы поправить дела, подобно другим викингам не брезговал дальними грабительскими походами и на запад во Францию, и на восток в Швецию. Но всегда, вновь обретя финансовую состоятельность, возвращался назад и снова включался в интриги и междоусобную борьбу наследников Людовика Благочестивого. В противовес ему летописный Рюрик – совершенно пассивная бесцветная личность. Он ничего не завоевывает и не захватывает, а всего лишь благосклонно принимает свалившееся на него как снег на голову предложение заморских аборигенов править у них на задворках балтийской ойкумены, бесконечно далеко от Фризии, Дании и Франкской империи. Став там волею судеб верховным властителем, Рюрик до самой смерти ведет откровенно сибаритский образ жизни: не воюет, защищая подвластную ему землю, не раздвигает ее рубежи славными походами, даже не осуществляет, выражаясь современным языком, своих властных полномочий, сразу удалившись от дел и «раздав города своим мужам». Разве в патологическом бездельнике Рюрике можно увидеть деятельного викинга Ререка?

Едва ли не единственный реальный «аргумент» в пользу идентичности Ререка и Рюрика, выдвинутый А. Кирпичниковым, – типологическое сходство археологических находок в Старой Ладогe и Рибe в слоях VIII – IX веков. Что ж, археология – это серьезно, от нее просто так не отмахнешься.

Хотя город Рибe, ровесник Старой Ладоги, расположен на западном побережье Дании, его история с биографией Ререка не соприкоснулась. Бравый викинг со своим близким окружением всю жизнь мотался по миру, а вот в родных краях в сознательном возрасте пожить ему как-то не довелось. Что же касается имеющегося, поверим Кирпичникову типологического сходства археологических находок в Рибe и Старой Ладогe, то оно естественно объясняется колонизацией Ладоги выходцами, в частности, из южной Ютландии как до Ререка, так и после него, но без его личного участия.

Север будущей Руси заселяли не только обитатели Рибe. Может быть конкретно из его окрестностей вообще никто никогда не добирался до волховских берегов. Археологические находки в Рибe говорят о нацеленности его торговых связей исключительно на запад, на Францию и Англию. Восточная торговля датчан того времени шла главным образом через Хедебю. Упомянутое типологическое сходство ладожских археологических находок не замыкалось только на город Рибe. Последний, будучи археологически хорошо изученным, представляет современную ему археологическую культуру южной Ютландии, населенной в IX веке данами, саксами и полабскими славянами. Под военным давлением расширяющей свои пределы Франкской империи и угрозой насильственной христианизации на восток время от времени волнами бежали и первые, и вторые, и третьи. Археологи уверенно говорят о присутствии в Ладогe и Рюриковом городище в IX веке наряду с местным населением и скандинавов, и прибалтийских славян, причем, похоже, из них численно преобладали последние. Эти пересе-

ленцы принесли с собой на север будущей Руси не только археологически зримую материальную «культуру Рибе», но и свою духовную культуру: язык, образ жизни, традиции и предания.

Среди принесенных в Новгород из Мекленбурга²¹ полабских преданий были и сказания о бездетном ободритском вожде Гостимысле, погибшем в неравной борьбе с Людовиком Немцем, о его завещании призвать для продолжения этой борьбы Ререка Ютландского, о приходе Ререка и разорении его викингами городов вверх по Эльбе. Эти предания были отзвуками действительных исторических событий, произошедших в землях полабских славян и отмеченных Ксантенскими и Фульдскими анналами. Переселенцы-мекленбуржцы принесли память об этих событиях с собой на новую восточную родину – Ладогу и Рюриково городище. Здесь, на новгородской почве, отдаваясь во времени, они постепенно превратилась в местную легенду о новгородском старейшине Гостомысле и призванном в Новгород варяге Рюрике, впоследствии письменно зафиксированную Иоакимовской летописью и в рафинированном виде проникшую в ПВЛ.

Современная генетика способна проследить родство через века и тысячелетия. В частности генная структура Y-хромосомы отражает наследственность по отцовской линии. Недавние выборочные генетические тесты по Y-хромосоме ныне живущих представителей русских княжеских домов, претендующих на происхождение от Рюрика, выявили среди них минимум две совершенно неродственные ветви, условно «Мономашичей» и «Ольговичей». Судя по результатам этих тестов, два внука Ярослава Мудрого – Владимир Всеволодич Мономах и Олег Святославич (Гориславич в «Слове о полку Игореве») – не имели общего предка по отцовской линии, следовательно оба сразу они не могли быть потомками Рюрика.

---

²¹ **Мекленбург** в переводе с древнегерманского означает «великий город». Не беженцы-мекленбуржцы ли основали Новгород и назвали его Новгородом Великим, то есть **Новым Мекленбургом**?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.